

ПЕРСОНА

ЦАРЕВНА-

СМЕЯНА

Регина
ДУБОВИЦКАЯ:
"Я слишком
близка
к народу"

— Раньше, в советское время, вы работали на радио в программе "Доброе утро". Кажется, это была самая веселая радиопрограмма тогда?

— Я там работала спецкорреспондентом, а начинала младшим редактором. Закончила комментатором. Я очень любила делать репортажи. Мне нравилась веселая журналистика. Помню, мы дали объявление в "Вечерку" — "Продается тигр". Дали телефон, я сидела в редакции, мне звонили люди. Я им задавала специально смешные вопросы и все это записывала.

— Это был розыгрыш?

— Конечно, мы же тигра не продавали. Еще, помню, был интересный репортаж из роддома. Я сидела в окошечке, там, где справки дают, а рядом у меня был магнитофон. Приходили папы, спрашивали, я им отвечала, а потом все это выдавала по радио. И из ЗАГСа был такой же репортаж, там, где имена детей регистрируют. А еще из бюро утерянных вещей. В общем, пыталась найти смешное в быденном.

— Да и вообще наша жизнь — смешная штука. Хотя есть мнение, что те, кто занимается юмором профессионально, в жизни сплошь мизантропы.

— По-разному бывает. Действительно, есть юмористы, которые в жизни очень хмурые, неразговорчивые, не улыбкающие. Но вот Володя Винокур, например, и в жизни юморист.

— А вы?

— Я не могу сказать, что 24 часа в сутки смеюсь.

— А хотелось бы?

— Смеяться 24 часа в сутки — это только для больных. Я еще не считаю себя больной.

— А вот на ТВ покажи людям пальчик — они и засмеются?

— Все зависит от того, кто этот пальчик покажет. Работа комедийного актера очень трудна. Комик — это штучный товар. Да их и всегда было мало на эстраде, и, может быть, больше не надо. Поэтому все нынешние разговоры о том, что раньше эстрада была интереснее, веселее, — от лукавого.

— Ну а люди вообще смешны?

— Так быть смешным — это прекрасно, многие мечтают быть смешными. У большинства не получается. Это особый талант.

— Смех — дело серьезное?

— Суперсерьезное. И требует очень много времени, сил и физической подготовки. Упорства, характера.

— Значит, если зал не смеется, нужно терпеть и заставить его смеяться?

— Надо заставить себя работать так, чтобы зал смеялся. Да и как вообще начинающий артист может выйти на сцену целого зала? Кто ему этот зал предоставит? Этого же надо добиться — работать, работать и работать.

— То есть выходит, что смех — это товар, который можно выгодно продать зрителю, и если они его купят, то ты будешь богат и в полном шоколаде?

— Я не люблю, когда эстрадные представления называют товаром. Как только их начинаешь делать как товар, то обычно эта "продукция" сразу залеживается на полках.

— "Аншлаг" — это творчество?

— Я считаю, что то, чем я занимаюсь, для меня творчество. Если бы это для меня было скучной работой, то я бы давно ее послала на три буквы. Я думаю, и передача столько лет существует, потому что мне она нравится.

— Выходит, вы прекрасно понимаете народ и его юмор, а тех, кто плюется при слове "Аншлаг", нужно отправить на свалку истории?

— Ну зачем же так, пусть они плюются, но ведь смотрят. Главное, чтобы смотрели, а ругаются, не ругаются... Вот мне если что не нравится, я никогда не смотрю. А те, кто плюется, меня мало волнуют, потому что знаю, передачу смотрят почти все.

— Регина, откуда у вас такое прекрасное чувство юмора?

— Почему прекрасное? Это не чувство юмо-

Не смейте смеяться над Региной Дубовицкой, злые люди! Она мила, тиха и очень хороша собой. С прекрасным чувством юмора. Ее смех разливается по телеэкрану, как колокольчик. Впрочем, смейтесь, злые люди, смейтесь. Над собой смеетесь. А Регина на вас никогда не обидится. Спорим?

работать в детской редакции и про юмор вообще ничего не знала. Я тогда писала в "Пионерскую зорьку", и там у меня проходили материалы. Но на тот момент в детской редакции не было места, и в отделе кадров мне сказали: "Мы можем вас взять редактором по письмам в отдел сатиры и юмора. А как только место в детской появится, мы вас сразу туда переведем". Я была на седьмом небе. Да я бы согласилась на Гостелерадио даже уборщицей пойти. Через некоторое время место в детской редакции, действительно, нашлось, но мне туда уже не хотелось.

— Юмор затянул?

— Нет, не юмор. Там в редакции на Пятницкой была столовая. Не знаю, может, всех тянуло на запах еды. Но тогда в редакционной комнате у нас собирались Горин, Арканов, Хайт, Захаров,

— А вот те, которые в зале сидят и гыгы-гы, — это кто?

— Ну вот вы придете и тоже так же будете хохотать в зале, как и все. Но только быдло, нахохотавшись, выйдет из зала и скажет: какая гадость. Я таких называю люмпен-пролетариатом, независимо от того, закончил ли он институт, доктор наук или народный артист.

— Но вы же знаете, что самый простой способ заставить людей засмеяться — это выйти на сцену и снять штаны.

— Ну вот вы выйдете на сцену и снимите штаны.

— Все заплачут.

— Надо уметь это сделать, уметь сыграть. Ведь сцена — это не нудистский пляж. Ну кто на нудистском пляже смеется?

— А вы смеетесь, когда выступают ваши артисты, или делаете вид?

— Я никогда не делаю вид, мне это совсем не нужно. Смеюсь, если нравится.

— А что вам лично нравится?

— Знаете, что мне нравится? Бунин. Я прихожу домой и, когда есть время или когда совсем хреново, открываю Бунина и читаю. А когда ругают телевизор, я этого вообще не понимаю. Да выключите его, откройте книжку, и все. Когда кричат "дебилизация", я хочу сказать: ребята, моя развлекательная передача не призвана никого учить любить классику или хорошую музыку. Человек должен посмотреть "Аншлаг", улыбнуться, выключить и забыть. А учить — это задача уже не моя. Мы самая дистиллированная передача на всем телевидении. Ее смело могут смотреть даже дети!..

— Когда вы всем коллективом выезжаете на пленэр, плывете на пароходе, поете хором песни у костра, неужели вы все так любите друг друга? Что-то не верится.

— Но у нас же не так, как в театре. Там артисты все время вместе, а у нас они по отдельности. И когда они собираются, то радуются друг другу как дети. Им есть о чем поговорить. В поездках создается такая прекрасная атмосфера!

— Ну а народ настолько в вас влюблен, что может от счастья и благодарности взять теплоход с артистами и понести его на руках?

— Про теплоход не знаю, а однажды автобус понесли. В Костроме было дело. Помню, я тогда объявила по местному телевидению, что мы будем выступать на центральной площади. Нас спасло, что мы заранее послали туда операторов. Они приехали и увидели огромное количество народа и тогда сообразили пойти на рынок, купить веревки и привязали камеры к столбам. Таким образом, камеры остались целы. Когда мы приехали, то поняли, что происходит что-то непонятное. Вся эта площадь, которая называется "Сквородка", была битком.

Я встала у микрофона, говорила, наверное, не больше минуты. Потом сзади ко мне подошла Лена Степаненко (тогда она еще с нами выступала) и на ухо говорит: "Надо уходить, смотри, что делается". Я сразу не поняла, а потом посмотрела и увидела: люди посадили своих детей по кругу, сзади напирала, и толпа стала наклоняться все больше и больше. Люди начали давить друг друга. Это был кошмар. Чтобы мы вышли, милиция сделала коридор. Но вот тут чувство юмора помогло. Мы шли цепочкой — первым Винокур, я за ним, а по бокам милиция. Люди тянули у нас все, что можно оторвать. В тот момент мы почувствовали себя "битлами". Но когда мы подошли к автобусу, нас каким-то образом подвели не туда, где должны быть двери, а с обратной стороны. И вот Винокур оборачивается ко мне и говорит: "Девушка, помоему, я тебя вижу в последний раз". А когда мы все-таки зашли в этот автобус, его и подняли. Это было страшно. Но все обошлось благополучно.

— Да, такая любовь не снилась даже Пугину.

— Нам проще дарить подарки, мы же без охранны.

— Такие люди, и без охраны!

— Мне смешно, когда я вижу, как некоторые наши коллеги, артисты шоу-бизнеса, ходят с охраной. Я всегда вспоминаю слова Валерия Леон-

тьева, который мне сказал еще лет 20 назад: "Если артист захочет, он может по ГУМу ходить, и никто его не узнает". Тогда я подумала, что он кокетничает. Оказалось — все правильно. Все зависит от того, как ты идешь. Многие певцы ходят так — типа, смотрите, я иду. А если вдруг не помотришь, еще заругут на тебя: ты что, не видишь, что это я? Мы как-то с внучкой были в магазине, я что-то покупала, и вдруг она, маленькая, как закричит: "Да это же сама Регина!" Меня ведь никто тогда так и не узнал.

— Раньше, благодаря советской цензуре, юмор был качественнее, лучшие люди умели зашифровать там сразу несколько смыслов.

— Так вот поэтому сейчас по-настоящему рассмешить гораздо сложнее. Тогда скажи слово "колбаса", и в зале овации. "Колбасу" же еще разрешали произносить, а дальше люди думали: он сказал "колбаса", а на самом деле... Сейчас хороши комедийные ситуации. А для меня самый ценный юмор тот, который не устареет. Помните, у Винокура "Здесь играйте — здесь не играйте". Или когда тот же Винокур изображает врача-невропатолога. Это было смешно и 20 лет назад, и сейчас.

— Не так уж и смешно. Сейчас на этом деле можно и миллионером стать. Вот Петросян уже стал.

— Ну, если заработал, так и слава богу. Он же не ворует. Петросян работает столько, что мало кому приснится. Он человек повернутый на этой эстраде.

— То есть рубит "капусту" с утра до вечера?

— Это вы какую капусту имеете в виду? Про эту капусту я ничего не знаю. А про то, что он зубр эстрады, — это 100%.

— И опять же, знает свой народ.

— Опять иронизируете? За Петросяна — не берусь отвечать. А вот о себе скажу. Вы знаете, что такое город Шадринск? Потом город Тирасполь. Города Кишинев, Кострома, Пятигорск. Еще Сухуми. Так я жила. При этом отец — профессор древнерусской литературы, и родственников голубой крови по его линии и не сосчитаешь. А по линии мамы — рабочая семья. Дед — кроватных дел мастер. У нас в Сухуми, где мы жили, забор был из спинок кроватей. А потом дед работал на какой-то фабрике гипсовой, там делали вазы. И у нас на заборе появились вазы. В результате здесь, как в нашей стране, все соединилось и получилось я.

— Кто вы по первой профессии?

— Первая профессия у меня эта же самая, надеюсь, что и последняя. Закончила я Пятигорский институт иностранных языков. Но из немецкого — я помню только "хэнде хох". Поступила туда, чтобы родители отстали. Но всегда знала, что буду только журналистом и никем другим.

— Ну хоть переводчиком вы поработали?

— Да нет, конечно. Но вы знаете, недавно был случай. Я ехала в метро "Маяковская". Вдруг в вагон вбегает очень старенький, как мне показалось, дядечка. Лезет обниматься, причем называет меня Регина Игоревна. Я думаю: кто это такой? Оказалось, мой ученик. В институте я проходила практику в школе, в станице Гривцеводской под Пятигорском. Преподдавала русский язык и литературу. Я была очень строгим преподавателем. Хорошо помню, как мне дали 5-й класс. Шпана такая, что не дай бог. Но уже через пару дней я их так вышколила!

— Своих артистов вы точно так же строите?

— А иначе нельзя, все развалится.

— А вы не расстроились, что такой старенький дядечка оказался вашим учеником? Что вы подумали о себе?

— Я прежде всего подумала о нем: блин, как плохо выглядит. А разве я плохо выгляжу? Нормально! Тем более что я не накрашена.

— У вас еще смех очень красивый.

— В КВНе как-то сказали, что вместо гимна Советского Союза нужно давать смех Регины Дубовицкой. Наверное, хотели обидеть, но я не обижаюсь. Почему мне не смеяться, когда смешно?

Александр МЕЛЬМАН.